

Лариса Кириллина

**ОКО
КОСМОСА**

"Хранительница". Часть 4

16+

Лариса Валентиновна Кириллина

Око космоса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67848366

SelfPub; 2022

Аннотация

«Око космоса» – четвертая часть цикла фантастических романов «Хранительница». Предыдущие части: «Тетрадь с Энцелада», «Тиатара», «Двойное кольцо».

Юлия Цветанова-Флорес стала магистром Колледжа космолингвистики на Тиатаре и вышла замуж за своего любимого Карла-Макса. Учитель Юлии, профессор Джеджидд, он же уйлоанский принц Ульвен Киофар, тоже счастлив в браке. Но спасательная миссия в дальнем космосе, едва не стоившая жизни Юлии и профессору Джеджидду, имела роковые последствия: у обеих супружеских пар нет детей. Способна ли наука помочь им? И какую цену придется платить, оспаривая приговор судьбы?

Содержание

Дружба, радость, любовь и великое счастье	4
Нападение на защите	22
У очага	46
Маленькие сенсации	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Лариса Кириллина

Око космоса

Дружба, радость, любовь и великое счастье

Привет. Это я. Теперь уже не просто Юла, а баронесса Юлия Лаура Ризеншнайдер цу Нойбург фон Волькенштайн, урожденная Юлия Антоновна Цветанова-Флорес. Набор фамилий, конечно, языколомный и зубодробительный. Будь я писателем-беллетристом, я бы не назвала свою героиню столь претенциозно и вычурно, даже в жанре дамской фантастики. Но мне приходится с этим жить, причем в тех мирах, где не говорят ни по-немецки, ни по-русски, ни по-испански, ни на других земных языках.

«Цветанову-Флорес» я оставила в качестве псевдонима, которым пользуюсь как космолингвист. Тоже, конечно, громоздко, но у моих коллег-инопланетян встречаются и более заковыристые имена, вроде «Варданнуихх Мишшаназзир» (он-то как раз знает русский и зовет себя Мишей Назировичем) или «профессор Уиссхаиньщц». Легко и правильно произносить эти дивные сочетания звуков – проверка на

профпригодность. Обращение «магистр Цветанова-Флорес» студенты уже усвоили, а «госпожа баронесса-магистр» – это слегка комично.

Мой дорогой учитель, научный руководитель и спаситель от всех напастей, профессор Джеджидд, тоже по-прежнему категорически не желает, чтобы его где-то публично именовали теми громкими титулами, на которые он безусловно имеет право. Мне порой кажется, что его щепетильность немного смешна. От кого и зачем он скрывается? Все знают, что на самом деле он – принц Ульвен Киофар. «Джеджидд» – его псевдоним со студенческих лет, означающий попросту «Переводчик». На сайте колледжа по-прежнему нет его биографии и сведений о семье, только упоминание о том, что он родился на Тиатаре, закончил с отличием Колледж космолингвистики – а далее сугубо академическая информация: темы магистерской и докторской диссертаций, перечень монографий, статей и учебных пособий, список курсов, которые он ведет (самый важный – «Теория и практика перевода»), имена наиболее выдающихся учеников. Последнее по порядку, но не по значимости – моё. Он считает меня своим детищем, своей гордостью и, возможно, преемницей в должности. Я всякий раз отнекиваюсь, когда он так говорит. Рядом с ним я по-прежнему ощущаю себя «дикой Юлией», пятнадцатилетней девчонкой, которую он когда-то взял под опеку и выпестовал в приличного специалиста. Кто он – и кто я? Профессор с межгалактической славой – и новоис-

печенный двадцатилетний магистр? Но мало ли, вдруг ему надоест педагогика, и он решит посвятить себя чистой науке?.. А может быть, захочет отправиться в длительную экспедицию или примет приглашение от какого-нибудь межгалактического университета? Он прав, нельзя не учитывать перспективы. Иногда хотелось бы крикнуть – «Мгновение, остановись!» – но это дьявольская западня.

Улетать с Тиатары профессор, правда, пока не собирается. Нам обоим с лихвой хватило миссии на Сирону, где пришлось вызволять заложников – моих папу, маму и братика Виктора. Мы легко могли там погибнуть, причем дважды: в плену на Сироне (меня к тому же намеревались изнасиловать два негодяя, главари мятежников, папаша и сын Калинински) – и в космосе, куда мы взлетели на челноке, обстрелянном ракетами, повредившими нам электронику. Не знаю, сумел ли бы совладать с этим утлым суденышком, лишившимся управления, искусный пилот. Мой муж, барон Карл Максимилиан (сокращенно Карл-Макс или просто Карл) уверяет, что он бы, возможно, сумел. Но мы-то с профессором никакими пилотами не были; он интереса ради учился водить космические корабли на симуляторах, да и то в ранней юности. А я и такого опыта не имела – мне казалось, что незачем. Если бы не мой космический ангел Карл-Макс, сумевший всё-таки выследить на мониторах наш очень слабый, почти призрачный след, мерцавший еле заметным SOS в необъятной Вселенной, не было бы в живых ни Юлии, ни Ульвена.

Когда нас выловили в уже бессознательном состоянии, при мне нашли «Алуэссу», мой любимый девайс-трансформер, подарок учителя. Изучая последние записи и надеясь найти прощальные обращения к нашим родным, спасатели с изумлением прослушали сугубо академическую дискуссию – обсуждение темы и плана моей предполагаемой магистерской под мудреным названием *«Парадигмы локального менталитета в межпланетной коммуникации с точки зрения космолингвистики»*. Этот факт сразу сделал нас притчей во языцех на всех окрестных планетах. Ага, чудаковатый профессор до последних минут занимается с не менее чокнутой магистранткой работой, которой никогда не суждено быть написанной. Ибо все космолингвисты – существа безнадежно профдеформированные. Другие считали, что именно это позволило нам не сойти с ума в челноке, летевшем неизвестно куда. Мозги занимались решением абстрактных задач, причем психика оказывалась настроенной на созидание, а не на предчувствие неминуемого конца. Наш космопсихолог, доктор Абель Финн, восхищался поступком профессора и моей фантастической выдержкой. Он считал, что этот казус войдет в учебники по его дисциплине и будет использован при обучении поведению в самых экстраординарных и губительных ситуациях.

Тогда, находясь внутри челнока, я была загипнотизирована непреклонной волей учителя, и ощущала себя словно девочка, которая должна непременно слушаться старших, что-

бы выжить – наставнику безусловно виднее, как вести себя и о чем говорить. Магистерская так магистерская. Ровно с тем же успехом мы могли обсуждать природу квазаров, теорию музыки или нечто другое, столь же мало полезное для спасения наших жизней. Потом, конечно, разговор смодулировал в мифологию и метафизику, но это уже не фиксировалось «Алуэссой» – я выключила диктофон. К тому моменту мы оба подготовились к переходу в небытие, и исчезла необходимость пресекать на корню всплески бесполезного в той ситуации ужаса и отчаяния. Если бы мы начали с записи обращения к близким, то удержаться от эмоционального срыва не могла бы не только я, но даже Ульвен. Он отнюдь не настолько бесстрастен, каким его себе представляют те, кто с ним мало знаком. Однако, даже отрекшись от всех своих титулов, он никогда не позволит себе забыть о тех обязанностях, которые они на него налагают. Ни принцу, ни тем более императору не подобает закончить жизнь, утратив достоинство и хладнокровие. А если рядом с ним юная ученица, то он должен оберегать и ее душевный покой. На переговорах с Сироной он сам заставил меня рыдать и вопить от отчаяния, но оставить подобную запись на память нашим родным и друзьям он посчитал неприличным и невозможным.

Всё это я осознала потом, когда нас спасли, воскресили и вылечили. Наивно было бы думать, что такая встряска пройдет для наших организмов бесследно, и мы, восстав из медикаментозного забытья, сразу станем собою прежними. Нам

пришлось очень многому научиться заново. К счастью, интеллект нисколько не пострадал, физиология постепенно вошла в норму, но мы ослабли и плохо двигали даже руками, не говоря о том, чтобы встать и ходить.

Некоторое время мы оставались под наблюдением в медицинском центре, но затем нас перевели в отделение кинезиотерапии. Массаж, бассейн, тренажеры, анализы, – и так с утра до вечера, день за днем. Карл уже прошел через это и пришел в восторг от здешних специалистов.

Одним из них оказался молодой врач-кинезиотерапевт Эллаф Саонс, сын доктора Келлена Саонса, начальника отделения восстановительной хирургии и биотехнологической рекуперации. Я и раньше виделась с Саонсом-младшим в медицинском центре, но понятия не имела, кто он такой, поскольку он просил называть себя просто «Эллафом» и на «ты»: он оказался чуть старше нас с Карлом. Симпатичный, доброжелательный, легкий в общении, но притом очень знающий и упорный в достижении результатов.

Мой учитель, узнав о родстве двух блистательных докторов, удивился тому, что доктор Келлен Саонс никогда не упоминал о сыне и не пытался ввести его в дом семьи Киофар. Доктор Саонс ответил, что не желал злоупотреблять добротой и вниманием принца. Пусть сын сначала докажет, что чего-то достиг своими трудами, а не чьим-либо покровительством. Такая скромность и деликатность произвела на Ульвена самое выгодное впечатление. Он сказал, что все чле-

ны семейства Саонс – желанные гости в его доме, и будут там с удовольствием приняты, как только сам Ульвен окрепнет настолько, чтобы покинуть инвалидное кресло и вернуться домой на своих ногах. Келлен Саонс заверил, что чрезвычайно польщен таким отношением и готов сделать для семьи Киофар всё возможное и невозможное.

И тогда Ульвен спросил, не смогут ли Саонсы временно приютить у себя его невесту Илассиа – согласно старинному уйлоанскому этикету, вплоть до свадьбы ей не пристало ночевать в доме своего жениха. Разумеется, доктор Саонс ответил согласием. В семье, помимо неженатого Эллафа, были две почтенные дамы, супруга и теща Келлена Саонса. К тому же Илласиа, как выяснилось, приходилась Саонсам пусть очень дальней, но родственницей. Доктор проникся к ней уважением, видя, как Илассиа по-сестрински и по-дружески заботилась об Иссоа после исчезновения ее брата и смерти матери.

Смерть госпожи Файоллы не слишком удивила Ульвена – он знал, что у нее большое сердце, пытался уговорить ее на операцию, но так и не смог. Однако, видимо, он считал себя виновным в том, что она ушла так внезапно. Следовало бы представить себе, какое потрясение испытает немолодая больная женщина, любимый муж которой разбился на флаере, когда узнает, что единственный сын, наследник великой династии, вдруг бесследно исчез, не связавшись ни с кем из родных. Конечно, Ульвен горевал и испытывал угры-

зения совести, притом, что ни разу не усомнился в правильности всех своих действий. Отправить меня одну выручать заложников он не мог – я бы точно погибла. Известить госпожу Файоллу, что он летит со мной на Сирону, означало бы вызвать у нее немедленный шок; он надеялся, что Иссоа сумеет смягчить неизбежный удар и выдать опасную миссию за научную командировку.

Экспедиция в конечном счете оказалась успешной. Мятеж на Сироне обошелся минимальными жертвами, кризис был преодолен, мои близкие спасены, мы с учителем вытащены с того света.

Из-за траура по госпоже Файолле, нашего длительного восстановления и разных других обстоятельств все праздничные события пришлось отложить. Но покой, которым мы наслаждались, вовсе не оказался безрадостным. Ульвен не только не возражал, чтобы вся семья Цветановых-Флорес поселилась в его доме, а сам на этом настаивал. Ему очень хотелось сблизиться с моими родителями, с которыми до сих пор он общался лишь посредством своих опекунских отчетов. Я часто рассказывала учителю о папе, маме и брате, а после того, как он увидел наш семейный альбом, он уже не воспринимал нас как посторонних. На Сироне не было времени подробно рассматривать фото- и видеохронику семейств Цветановых и Флорес Гарсиа, а здесь, между процедурами и тренировками, он просил меня вновь и вновь показать ему моих бабушек, дедушек, папу и маму в юности, мои детские

снимки, файлы из школы на Арпадане, забавные сценки с маленьким Виктором. Конечно, ему интересно было узнать, ради кого он едва не погиб. Но, похоже, мы все ему нравились.

Ради нас открыли те комнаты, которые много лет стояли запертыми: бывшие покои его отца, бывшую супружескую спальню, бывшую студию самого Ульвена и гостевую, рассчитанную на мужчин. Мы вчетвером разместились там поистине по-королевски. Мама и папа уже успели подружиться с Иссоа и с Илассиа, а долгожданное знакомство с моим учителем произвело на них очень сильное впечатление.

Дело было не только в его благородстве и гостеприимстве. Много лет проработав на Арпадане среди представителей самых разных цивилизаций, мои родители привыкли воспринимать лишь суть, а не внешность своих собеседников. И всё же невозможно было не удивиться тому, что существо, очевидно не являющееся человеком, свободно и даже изящно изъясняется по-английски и по-немецки, чуть менее легко – по-испански, и просит прощения за то, что по-русски только читает, но не говорит. При этом моих родителей почему-то не так восхищало мое знание уйлоанского и прочих экзотических языков, вплоть до немыслимо трудного аисянского – они привыкли, что я, едва оказавшись в инопланетной компании, тотчас начинаю перенимать обиходные выражения, и вскоре непринужденно болтаю. Но моя болтовня – это вовсе не космолингвистика, а любительское полиглот-

ство. Настоящей космолингвистикой занимался Ульвен Киофар Джеджидд.

О нашем возвращении в Колледж речь пока не велась. В кампусе имелся собственный медицинский центр, но его оборудование не шло ни в какое сравнение с тем, которое появилось в Тиастелле благодаря великодушному дару учителя. Наше восстановительное лечение оплачивал Межгалактический альянс, и манкировать процедурами не полагалось. Поэтому жить приходилось неподалеку от реабилитационного центра. Ульвен рассудил, что совершенно незачем семье Цветановых-Флорес снимать квартиру на стороне, если в его доме места сколько угодно. Вдобавок я, его ученица, должна находиться поблизости, чтобы мы продолжали заниматься моей магистерской. Он не хотел, чтобы я пропустила год, и считал, что я успею закончить Колледж с однокурсниками.

Мой папа обычно отвозил нас утром на электрокаре к Эллафу Саонсу, а потом забирал. Окрепнув, мы с учителем совершали эти прогулки пешком, часто в сопровождении Иссоа, Илассиа или моих родителей. Когда выпадало свободное время, катались по озеру Ойо на яхте Ульвена. Теперь название яхты – «Илассиа», то есть «Морская птица» – воспринималось им самим как счастливое предзнаменование встречи с его невестой, девушкой с виду скромной, серьезной и сдержанной, а на самом деле способной на отчаянные авантюры и даже на подвиги. Ульвен до сих пор иногда пенял ей «охотой на баадаров», в которой она приняла участие втайне от

всех, вызвав межпланетарный скандал.

Главное, Илассиа бесконечно любила его, и он теперь убедился, что за этой любовью не крылись никакие расчеты, вызванные его громким именем и не менее громкими титулами. Будь он просто «профессор Джеджидд», она всё равно прилетела бы ради него с Виссеваны.

Я не была уверена, что он столь же страстно влюблен, однако мой учитель всегда умел скрывать свои чувства. Императорский этикет, гордость, замкнутость, нежелание демонстрировать слабость – сквозь такой многослойный покров крайне трудно пробиться извне. К тому же он терпеть не может, когда им пытаются манипулировать. Но никто бы его не заставил обручиться с Илассиа, если бы между ними в какой-то момент не возникло то, что по-уйлоански именуется возвышенным выражением «сюон-вэй-сюон»: двойное кольцо взаимного избранничества, которое невозможно ни снять, ни порвать. Он с восхищением и благодарностью признал ее право остаться с ним навсегда, а она – его вечную власть над собой. «Только он» и «только она» – это чувство почти зримо сияло, звенело и трепетало над ними в воздухе, наполняя весь дом предвкушением счастья и радости.

Между мной и учителем тоже существовало «сюон-вэй-сюон». Мы оба об этом знали. Не будь мы из разных миров, неизвестно, чем бы это закончилось. Однако ни в те годы, когда я была подопечной принца Ульвена, ни теперь, когда рядом с нами находились Карл и Илассиа, никакой моралист

и ревнивец ни к чему придаться не мог бы. Мы всегда использовали учтивое «вы», я избегала обращаться к нему по имени (либо «профессор», либо «учитель»), мы по-прежнему чтили устав Колледжа космолингвистики и не прикасались друг к другу, он настаивал на соблюдении в его доме правил старинного уйлоанского этикета, запрещавших нам беседовать наедине. Нашим близким и родственникам оставалось смириться с тем, что я присутствую в жизни учителя и никуда из нее не денусь, как и он в моей. Наша связь – навсегда, только ей суждено витать где-то в космосе. А в реальном мире мы вправе любить других. Я – Карла, Ульвен – Илассиа.

Карлу я, разумеется, пересказала наш с Ульвеном предсмертный, как нам думалось, разговор, не записанный на диктофон. О вечности, о пророчестве алуэсс, об открывшемся мне ясном видении пресловутого двойного кольца, о таинственных вейнах, существующих, якобы, за горизонтом событий, и о полном слиянии душ при освобождении от матери.

– Как хотел бы я пережить с тобой нечто подобное, – вздохнул Карл.

– А разве мы это не пережили?..

– Когда?

– Ну, привет! Ты забыл, как искал меня во Вселенной? Все были убеждены, что челнок взорвался на старте, и нас больше нет, а ты упорно не верил – с чего бы?

– Я чувствовал, ты еще дышишь и ждешь, что я отыщу тебя. Я знал, что ты – есть.

– Вот! Это – оно!

– Двойное кольцо?

– Конечно. Знак бесконечности.

– Или SOS, которое ты до последнего мне посылала.

– «Сюон-вэй-сюон»... Да, чем-то похоже на SOS.

– Или гравитационная петля, в которую вас захватили, чтоб вытащить.

– Мой космический ангел-хранитель...

– Моя чокнутая валькирия с кольцом нибелунга на пальчике...

– Твои нибелунги понятия не имели, что Вселенной правит любовь.

– У них, видно, было неправильное кольцо.

– А у нас будет правильное!

Несмотря на такие страсти, свадьба откладывалась до полного моего исцеления и до окончания колледжа. Приходилось усердно трудиться. С утра пораньше я старалась написать очередную порцию текста магистерской. Потом мы завтракали и ехали на тренировку. После физических упражнений – прогулка, обед и необходимый отдых. Затем мы с учителем, устроившись в малой гостиной, обсуждали написанное, я правила или совсем переделывала – он одобрял, и я двигалась дальше. Вечером все приятно общались: Иссоа пела, Карл подыгрывал ей на скрипке – а я наверху корпела

над следующим разделом своего научного опуса.

В колледж я не ходила. На последнем курсе посещение занятий не обязательно. Полагалось, правда, сдать еще пару экзаменов, но по ходатайству профессора Уиссхайншца, куратора Тиатары от Межгалактического альянса, меня от них освободили. В качестве практики межпланетных переговоров мне засчитали сиронскую экспедицию, в том числе очную встречу с диктатором Калински. Никто из моих однокурсников похвастаться таким боевым опытом не мог, всем прочим устраивали абсолютно мирные сеансы связи с Виссванским университетом или с научной колонией на Сулете.

Карлу тоже нашлось, чем заняться. Они с отцом теперь вместе работали в космопорте. Барон Максимилиан Александр по-прежнему руководил расписанием рейсов и контролировал работу диспетчеров, а Карл курировал челноки, сновавшие между космопортом и орбитальной платформой. Примерно на таком челноке мы с Ульвеном едва не погибли. Для Карла-Макса эта машинка была чуть сложнее обычного флаера. Он считал свою нынешнюю наземную деятельность совершенно рутинной, но она была необходима для практики и для заработка. Платили за это прилично. А деньги требовались немалые, и не только для нашей будущей семейной жизни.

После сиронской истории знаменитый космолет «Гране» конфисковали у прежних нерадивых владельцев, допустивших его превращение в место заточения трех заложников.

По решению Межгалактического альянса «Гране» возвратили в собственность барона Максимилиана Александра и его сына Карла Максимилиана. Более того, на средства Альянса «Гране» отремонтировали и очистили от всего лишнего, привнесенного другими хозяевами. Но содержать исследовательский космолет – прямая обязанность двух баронов. За экспедицию на Сирону они получили очень значительное вознаграждение от Альянса. В денежном эквиваленте оказалось скрупулезно оценено всё: спасательная операция отца и сына на борту «Гране», геройское бдение Карла-Макса за мониторами, позволившее найти и поймать нас с Ульвенком (между прочим, жизнь необъявленного императора оценили намного дороже, чем жизнь его магистрантки), – наконец, пилотирование на Тиатару «Гране» с пятью биокапсулами на борту. Не могу себе даже представить, что чувствовал Карл, зная, кто лежит в этих капсулах...

Суммы, которая казалась поначалу гигантской, едва хватало на поддержание космолета в рабочем состоянии и на оплату его обслуживания в космопорте Тиатары. Чтобы окупать себя, «Гране» должен был куда-то летать. Однако для привычных исследовательских экспедиций у барона Максимилиана Александра не было сейчас ни сплоченной команды (она частично осталась на Арпадане), ни каких-либо четких планов, ни даже большого желания. Барон ощущал свой солидный возраст, хотя ему исполнилось лишь пятьдесят два. Он мечтал увидеть, как мы с Карлом поженимся и осчастли-

вим его наследником или наследницей. А значит, судьба космолета выглядела туманной. Требовалось либо отказаться от «Гране», если Карл-Макс не захочет принимать на себя командование – либо устроить какую-то экспедицию по заказу Межгалактического альянса, чтобы она хорошо финансировалась, а в случае неудачи выплачивалась бы солидная страховка. Похоже, время вольного одиночного космоплавания подходило к концу. На это решались лишь завзятые авантюристы или пираты. Два барона не принадлежали ни к тем, ни к другим. Они были скорее фрилансерами в старинном, средневековом смысле, то есть вольными рыцарями.

Карл-Макс старался не посвящать меня в эти проблемы, считая, что мне вполне хватает своих. Но виделись мы теперь много реже, чем раньше. Когда он мог, он приходил в дом семьи Киофар, который стал теперь также домом семьи Цветановых-Флорес. Его принимали со всею сердечностью и ублажали, как если бы это он был принцем, а не Ульвен. Я старалась развлечь его и, по возможности, приласкать (ох уж этот мне этикет!), Исоа демонстрировала ему свои успехи в освоении скрипки, Илассиа рассказывала о водной фауне Тиатары, Виктор лез обниматься и карабкался на плечи, моя мама пела задорные мексиканские песенки на испанском и юкатекском, папа вспоминал интересные эпизоды из жизни на Арпадане – а Ульвен наслаждался этой радостной атмосферой и временами отпускал привычные шутки, без всякого яда, но со свойственным ему остроумием.

В глубине души я понимала, что долго всё это продлиться никак не могло. Нам всем нравилось жить единой нескудной разнопланетной семьей, но через какое-то время хозяйкой дома предстояло стать Илассиа. Хотя мы с ней давным-давно объяснились насчет ее и моих отношений с Ульвеном, и она не считала меня соперницей, мне не следовало делить кров и стол с новобрачными. Карл-Макс, в свою очередь, не мог поселиться здесь как мой муж, это не подразумевалось никакими обычаями, ни земными, ни уйлоанскими. Мама, пока братик Виктор был маленький, занималась его воспитанием, а в свободное время с удовольствием помогала Иссоа, но папе уже становилось скучно без какого-то серьезного дела. Уходить на покой в его возрасте преждевременно, это понятно. Он начал подыскивать, чем бы заняться на Тиатаре, и советовался об этом с Ульвеном. Постепенно близился день, когда нам следовало расстаться, чтобы каждая из семей развивалась самостоятельно, не теряя связи друг с другом.

И... мне начинало казаться, будто Иссоа весьма благосклонно посматривает на молодого доктора Эллафа Саонса. Он безмерно смущался вниманием принцессы императорской крови, и вдобавок известной певицы (секрет «Лорелей», чьи альбомы продолжали вызывать восхищение знатоков, стал такой же прозрачной фикцией, как настоящая личность «профессора Джеджидда» в Колледже космолингвистики). Но Иссоа не могла не нравиться Эллафу, это ясно. Она сумела бы очаровать даже каменного истукана. Я немно-

го побаивалась, что из ее музыкальных занятий с Карлом тоже может выйти какой-то невообразимый и невозможный роман, однако после знакомства с симпатичным доктором Эллафом мне стало ясно: что больше не нужно тревожиться за душевный покой моего жениха. Иссоа и Карл оставались друзьями, а вот Эллаф... Он, похоже, сходил с ума по сестре Ульвена. Но таил свои чувства, как и она.

Мы предчувствовали перемены и с готовностью шли им навстречу. Нам казалось, худшее позади, можно ничего не бояться, и впереди нас ждет только дружба, радость, любовь и великое счастье.

Нападение на защите

Магистерская была готова. Профессор проверил текст, выловил с десятков неточностей, ехидно проехался по адресу «барышень-космолингвисток» – и разрешил переслать мой труд в деканат. Он относился ко всему предельно ответственно, ведь вслед за заглавием и именем автора значилось: «Научный руководитель – профессор Джеджидд». Если я защищусь успешно, к моему имени будет добавлено сакраментальное слово «магистр», и работа станет официально доступной во всех инфоцентрах этой части Вселенной. А может быть, и за ее пределами. В том числе на Земле.

Защиты магистерских в Колледже космолингвистики больше напоминают праздник, чем строгий экзамен. Никакой анонимности здесь не предполагается, все ведь знают, кто на какую тему и под чьим руководством пишет работу. Процедура публичная и похожа на парад выпускников и на состязание их наставников. Присутствовать могут и преподаватели, и студенты, и даже родственники – вход свободный.

Далеко не всякий, завершающий полный курс обучения, претендует на степень магистра. Некоторые получают диплом без степени, это ничуть не зазорно. Другие не доводят магистерскую до конца или предпочитают не выносить на

защиту – она учитывается в документах, но остается в архиве Колледжа на правах обычной экзаменационной работы. Бывает, рецензенты высказывают пожелания внести в представленный текст исправления, и если студенту с его руководителем удастся сделать это оперативно, то степень может быть присуждена, а сама работа разослана по инфоцентрам. Но, если уж выпускник дошел до защиты, преднамеренно его не заваливают, и уже тем более не сводят личных счетов с руководителем. Вся критика обусловлена только заботой о репутации Колледжа космолингвистики.

Мой случай казался ясным и совершенно беспроегрешным. Одна из лучших студенток, всезнайка, отличница, полиглот, любимая воспитанница язвительного и придирчивого профессора Джеджидда, который неоднократно устраивал мне разносы при всех, когда я небрежничала и ленилась, – «та самая Юлия», которую под конец зауважал даже страшный профессор Уиссхайнщц, космическая героиня...

Текст мы вылизали до противности, в нем не осталось ни малейших огрехов. Примеры на всех языках приводились в их собственной письменности, сопровождаясь транскрипцией на космолингве. Иллюстрации включали таблицы, графики, картинки, аудиофайлы и даже недлинные видео.

Рецензентами по решению деканата стали профессор Чаро Чараки, бывший руководитель Маиллы, у которого я некогда изучала фонетическое моделирование и раваний-

ский язык, и профессор Лори Кан, преподаватель общей теории языкознания и истории земных языков.

Профессор Чаро Чараки высоко оценил мой труд, огласив лишь несколько несущественных замечаний. Например, упрекнул меня в том, что я нигде не использовала свое знание равийского, между тем это стоило бы сделать хотя бы ради сравнения. Я обещала ему включить эти сведения в пару таблиц. Поправка пустячная, просто в два клика.

От Лори Кан я ждала примерно такого же отзыва. Дескать, да, работа прекрасная, только тут хорошо бы добавить пример, тут уточнить дефиницию, там сослаться на источник, который я упустила из виду. А так – поздравляю, Цветанова-Флорес, вы отныне магистр!

Лори встала с довольно кислым выражением на своем хо-рошеньком личике, как всегда разрисованном яркой косметикой. И сказала нечто совсем неожиданное.

«Дорогие коллеги, мне трудно оценить представленный текст. Я не знаю и не могу судить, насколько он принадлежит соискательнице, и какова здесь доля участия ее научного руководителя. Мы, конечно, давно знакомы с профессором Джеджиддом, знаем его замечательные труды, очень ценим его педагогические таланты. Однако мы не читали еще ни одной научной статьи, написанной лично студенткой Цветановой-Флорес – курсовые работы не в счет, это квалификационные экзерсисы. Сама она неоднократно говорила в частном кругу, в том числе на моих семинарах, что не видит себя

исследователем, а мечтает быть переводчиком. Тем не менее, текст магистерской получился научным, насыщенным сложными терминами, а местами блестяще написанным. Именно необычно высокий уровень представленной на защиту магистерской заставляет меня осторожно предположить: перед нами по меньшей мере совместное творчество выдающегося учителя и старательной ученицы. Поэтому у меня лишь один вопрос к магистрантке: способна ли она чем-либо подтвердить свое авторство и сделать это достаточно убедительно?»..

Ничего подобного я не ждала. И мы с Ульвеном даже не обсуждали возможность такого наскока. Говорить за меня он не мог. Я должна была защищаться сама. Против Лори Кан. Студентка – против профессора.

Ну, прецедент в моей биографии уже имелся. Когда я, второкурсница, сцепилась с Уиссхаиньщцем. Тогда Лори Кан взяла мою сторону. И теперь я не испугалась, а разозлилась.

Папа, сидевший рядом, успел шепнуть мне: «Юла, спокойствие, рассуждай как юрист». Но какой из меня юрист? И всё-таки межпланетное право мы изучали, какие-то положения в голове закрепились.

– Уважаемая госпожа профессор, – официально обратилась я к Лори Кан. – Насколько я сведуща в общих принципах римского права, положенных в основу права межгалактического, обязанность выявить состав преступления лежит не на обвиняемом, а на обвинителе. Вы фактически обвини-

ли нас с профессором Джеджиддом в научном подлоге. Согласно духу и букве закона, я хотела бы знать, в чем именно вы усматриваете признаки этого предосудительного деяния.

– Сошлюсь на документ хотя и сугубо частный, но не содержащий частных сведений и доступный на многих сайтах, – сказала она. – Это ваш разговор с научным руководителем, состоявшийся в экстремальных условиях, на борту неуправляемого космического челнока, где вы с ним подробно обсуждали план этой самой магистерской. Фактически он вам его диктовал. С тех пор план существенно не изменился. Даже первая фраза осталась такой, как вы там условились.

– «Хейхоо, братаны!» – процитировала я зычным голосом.

Аудитория невольно развеселилась.

– Ну, так это моя находка, – заявила я. – Запись легко подтвердит. Профессор Джеджидд не владеет сиггуанским. Я же выучила сиггуанский на Арпадане. Поэтому диалог с охранниками сиронского космопорта, воспроизведенный в моей магистерской, вела только я. Мой учитель молчал, чтобы не выдать себя. Фраза была использована как прием неформальной коммуникации в условиях, где никакая формальная коммуникация невозможна в силу разницы менталитетов. С точки зрения сиггу, фраза «хейхоо, братаны!» соответствует фразе «Приветствую вас, уважаемые господа!», но не может быть заменена последней ни при каких обстоятельствах. Дальше я во введении объясняю, почему говорить с сиггуан-

ской охраной на дипломатической космолингве было бы совершенно самоубийственно. Этой мой собственный материал, добытый, можно сказать, потом и кровью. Что еще, уважаемая госпожа профессор Кан, вызвало у вас недоверие?

– Глава первая, чрезвычайно тонкий анализ уйлоанского менталитета с точки зрения лингвистических и поведенческих парадигм. Полагаю, что не уйлоанец не мог в это вникнуть настолько подробно. Признайтесь, ведь вам помогал ваш научный руководитель?

Тут Ульвен не стерпел и заметил вслух, нарушая регламент:

– Я не только не писал, но даже толком не видел этого текста. Пролистал насквозь, дабы не влиять на суждения Юлии. Решил, прочитаю потом, уже после защиты.

– Спасибо, профессор Джеджидд, за ваше ценное пояснение, – усмехнулась Лори Кан. – Но вы опять говорите за Юлию, подтверждая мои догадки о вашем чрезмерном влиянии на ученицу.

– Госпожа профессор Кан, – продолжила я. – Я с первого курса углубленно изучала уйлоанский язык, культуру и литературу. Я освоила, пусть фрагментами, даже такой недоступный для непосвященных текст, как «Уйлоаа алуэссиэй инниа» – не в переводе Тессы Аллулу и Балафа Доэна, а в оригинале. Я имела счастье подолгу находиться в кругу родственников моего научного руководителя. Я дружна с его младшей сестрой Иссоа, с его племянницей, магистром Ма-

иллой Ниссэй, и ее супругом Ассеном Ниссэем, равно как с невестой профессора, госпожой Илассиа Саонс, с доктором Келленом Саонсом и его сыном доктором Эллафом Саонсом. Наконец, я все пять лет моего пребывания на Тиатаре постоянно общалась с моим научным руководителем. Почему же я не могу на основании долгих и откровенных бесед с ними всеми, а также на основании пройденных мною в колледже курсов космопсихологии и гносеологии, сделать оригинальный анализ уйлоанского менталитета, который меня иногда восхищает, а иногда весьма озадачивает?.. Далее я в моем тексте сравниваю его с менталитетом интеллигентных выходцев с Теллус, к которым мы с вами, надеюсь, относимся.

Ехидство последней фразы вышло очень в духе Ульвена, и он взглянул на меня с одобрением.

Лори Кан не собиралась сдаваться.

– А ваш прогремевший на весь мир трагический монолог над Сироной? – спросила она. – Вы приводите файл с полным видео и расшифровкой в приложении к вашей работе, а затем ссылаетесь на него в разделе «Искусство истерики: локальные, гендерные и лингвистические аспекты». Но всякому ясно, что автором всей этой замечательной постановки был ваш профессор. Он руководил каждым вашим движением и каждой репликой.

– Весь вербальный ряд – исключительно мой! – заявила я. – Он всецело импровизировался! Не всегда, возможно,

удачно. К примеру, я не сумела, будучи в стрессовом состоянии, с одного аудирования усвоить сиронский макаронический космоанглийский. Но текст знаменитой истерики – мое собственное творчество. И анализ текста, естественно, тоже мой. Только я одна понимала подтекст каждой фразы. Мой учитель лишь направлял развитие монолога – строил форму. Однако он сам истерить не умеет. В силу другого менталитета. Зато я теперь могу давать мастер-классы!

Аудитория вновь оживилась, поглядывая на Ульвена, который хранил полнейшую невозмутимость.

– Хотите, продемонстрирую? – внаглую предложила я. – Закачу истерику прямо здесь, на любую тему? Теперь я знаю, как это грамотно делается.

– Спасибо, Цветанова-Флорес, не нужно громких экспериментов, мы удовлетворены ответом, – прервал дискуссию председатель, мастер Дьян. – Госпожа профессор Кан, у вас еще есть замечания?

– Разумеется, есть, но я воздержусь от их оглашения. Они носят частный характер и касаются списка источников.

– Слово научному руководителю, – провозгласил мастер Дьян. – Профессор Джеджидд, прошу вас.

Мой учитель с всё тем же непроницаемым видом встал перед аудиторией и почти безо всякого выражения произнес:

– Спасибо профессору Кан за интереснейшую дискуссию. Если б я мог предвидеть возникшие у нее подозрения, я попросил бы мою ученицу представить весь текст на бумаге, на-

писанный ее собственным почерком, причем на каком-либо из родных для нее языков, русском или испанском. Но такую работу не принял бы деканат. И опять же легко сказать, что писано под диктовку. Можно, конечно, задать искусственному интеллекту анализ стилистики текста Цветановой-Флорес, однако я полагаю, это излишне, учитывая большое количество разноязычных цитат. В таких обстоятельствах я вынужден откровенно признаться, что никак не мог создавать этот текст, поскольку одновременно занимался своим. Я работал над небольшим дидактическим материалом, который скоро представлю на обсуждение. Это... скажем, так: «Краткий практический справочник по применению разнопланетной обценной лексики для начинающих космолингвистов». Наши с Юлией приключения на Сироне выявили, что студенты, в том числе и мои, почти не владеют этим лексическим слоем. Пора наверстать упущение. Только стоит подумать над тем, чтобы пошлый жаргон не распространился как эпидемия. Вероятно, придется ввести очень строгие ограничения и штрафовать за произвольное использование материалов учебного курса как в кампусе, так и вне колледжа. Однако это уже не имеет прямого отношения к обсуждаемой теме. Работой Цветановой-Флорес я доволен. Текст был мною проверен и вычитан, за исключением небольшого раздела об уйлоанском менталитете.

На этом прения завершились. Голосование оказалось неожиданно единодушным. «Против» не выступила даже

Лори Кан.

Мне присвоили степень магистра. Дальше – чистая бюрократия: подписать в деканате бумаги об окончании колледжа, получить магистерский диплом, занести упоминания о наличии научной степени в мое электронное удостоверение личности. И – свобода. Я – настоящий космолингвист!

Все вокруг – папа, мама, друзья, – бросились меня поздравлять, обнимать, гладить по голове, жать мне руки и тискать.

Мой учитель отрешенно стоял в стороне, наблюдая за этим весельем, полный царственного достоинства и печального недоумения. Лори Кан, как всегда, упорхнула сразу же после окончания процедуры. Ко мне она не подошла, и устроенный ею скандал ничем не аргументировала. Неужели она и вправду хотела сорвать защиту? Зачем? У нее какие-то давние счёты с моим профессором?.. Я ни разу не видела, чтобы они где-то тесно соприкасались. Они вели разные предметы и курсы, и делить им было, как мне казалось, нечего. У Лори Кан в этом выпуске никто не заканчивал, но в позапрошлом году успешно защитился мой приятель Альфред Жиро, завзятый историк. Мы с ним не конкурировали. В чем же дело?..

У меня возникло ощущение попадания в замкнутый круг. Точно так же после полемики с профессором Уиссхайншцем, который потом оказался не просто профессором, а куратором Тиатары от Межгалактического альянса, я сто-

яла ошеломленная: фактически комиссия признала мою правоту. Но тогда учитель сурово сказал: «Не радуйтесь. И не вздумайте праздновать эту победу. Пойдемте, несчастье мое».

Сейчас он приблизится и произнесет то же самое. Только уже не вцепится мне в запястье, чтобы я вдруг не вырвалась и не сбежала от него к своей бесшабашной компании.

Убегать я на сей раз не собиралась, ведь мы заранее договорились, что отправимся отмечать присвоение мне степени магистра в Тиастеллу, к нему домой.

«Вечер с принцем – это успех!» – промелькнуло в моей голове еще одно давнее воспоминание. Звонкую фразочку бросила Лори Кан, когда я первый раз собралась в гости к магистру Джеджидду, не имея понятия, каково его настоящее имя. Лори Кан уверяла, будто все в колледже это знают, кроме меня. Но меня, наивную дурочку, приглашали к нему домой, а ее – никогда. Может быть, ей банально завидно?.. Однако я не помнила, чтобы учитель вообще принимал у себя коллег – как и они его. Отношения между преподавателями в Колледже выглядели корректными, а иногда и хорошими, но дистанция всегда соблюдалась. Студентов, впрочем, тоже домой обычно не звали. В этом не возникало необходимости, позаниматься всегда можно было в какой-нибудь аудитории или даже на свежем воздухе в кампусе. Мой случай – исключение из неписанных правил, и объяснялось это тем, что я была не просто студенткой, а его подопечной, и он

старался удерживать меня от всякой дичи и дури.

– Как вам это понравилось? – поинтересовался учитель.

– «Much ado about nothing», – ответила я по-английски.

«Много шума из ничего».

– Да. Страсти почти как у вашего обожаемого Шекспира.

– С чего бы, профессор?

– История долгая. Не сейчас. Пойдемте, моя дорогая, нас ждут.

– Я достойно держалась?

– Не напрашивайтесь на комплименты. Их придется делить пополам. И опять кто-то скажет, что вы без меня как беспомощное дитя.

– Вам обидно?

– Скорее, мерзко. Но это к вам не относится.

Наш странноватый неспраздничный диалог прервали мои родители. Ульвен говорил с ними в совершенном другом тоне и настроении. Благодарил их за такую чудесную дочь, которая не обманула ничьих надежд и заслуженно получила степень магистра. Потом мы все сели в его личный флаер и отправились в Тиастеллу.

Илассиа и Иссоа не пошли на защиту, иначе свита Ульвена выглядела бы чрезмерно внушительной, и потом возникли бы сложности с флаером. Остальные гости – мои бароны, Ассен и Маилла – тоже явились прямо на званый ужин. Пришлось ради всех, кто отсутствовал в колледже, подробно рассказывать про защиту. Все-то думали, процедура обер-

нется формальностью.

– Просто невероятно! – возмущался мой папа. – Мы же знаем, как писалась работа! Юлия засиживалась вечерами, вставала раньше всех, лишь бы только успеть! И мы слышали, как они с профессором обсуждали каждый параграф, и она порою с ним спорила!

– Ладно, всё позади! – жизнерадостно заявила Маилла. – Справедливость восторжествовала! Юлия, я всегда говорила: ты редкая умница! Мой дядя знал, кого брать в ученицы!

– Конечно, знал, – подтвердил барон Максимилиан Александр. – Я рассказывал о ней принцу, когда она была еще девочкой.

– И она тогда обижалась, что вы не захотели с ней лично поговорить, – напомнил мой папа. – Она так мечтала увидеть живого космолингвиста!

– Да видела я его на Арпадане, видела, только издали, – возразила я.

– Ну и как? – вкрадчиво полюбопытствовала Илассиа.

– Показался на редкость противным.

Карл, наверное, хотел одернуть меня своим фирменным «Юльхен, язва, заткнись!», но Ульвен отпарировал:

– Знаете, я тоже был не в восторге, когда в деканат ввалилось такое сокровище. То ли девочка, то ли мальчик, лохматое, в мятых драных штанах, своевольное, самоуверенное, мало что понимающее. Несмотря на явный талант.

– А в итоге – ученый магистр и «шедевр воспитания»! –

звернула я подковырку, понятную только своим.

– Кое-что получилось, – согласился он. – Но совершенство еще не достигнуто.

– Мы вам так благодарны, профессор, – сказала моя мама с присущей ей теплотой и сердечностью. – Представьте, каково нам было отпустить нашу дочь на другую планету, и быть может, уже никогда ее не увидеть?.. Мы ужасно боялись, что у нее будут трудности и неприятности, а она совершенно одна...

– Ради этого я и взялся ее опекать. Большинство студентов постарше. Несовершеннолетним действительно полагается опекун, но многим он не особенно нужен, они более самостоятельны и не настолько эмоциональны. Хорошо, что у Юлии веселый и дружелюбный характер. Она сразу нашла здесь друзей и поладила с преподавателями... кроме некоторых.

– Почему эта Лори Кан вдруг так на тебя набросилась? – обратилась ко мне Маилла.

– Я не знаю. Мне кажется, дело вообще не во мне.

– А в ком? В Ульвене?..

Он властно пресек разговор:

– Дорогие мои, не будем развивать эту тему. Все интриги и сплетни оставим тем, кто находит счастье в таких занятиях.

Мы ели, пили, шутили, радовались, разговаривали обо всем, что спонтанно приходило на ум. Ульвен между делом спросил у доктора Келлена Саонса, почему он никогда не

приводит с собою супругу. Тот ответил, что ни разу не смог ее уговорить посетить дом семьи Киофар. Его жена очень скромного происхождения и стесняется появляться среди столь знатных и ученых господ – она, дескать, не умеет ни держать себя должным образом, ни вести разговоров о важных вещах. «Представляете, господин Киофар, она уверена, будто ей самое место на кухне!» Илассиа возразила: госпожа Оллайя несколько не хуже многих дам, блистающих в свете отнюдь не умом, а красивыми платьями. Она милая, добрая и рассудительная, с ней приятно общаться... «Конечно, мы будем ей рады», – подтвердил мой учитель. Я подумала, он тоже заметил нарастающее взаимное притяжение Иссоа и младшего Саонса, и хотел бы поближе взглянуть на скрытую мать молчаливого обожателя нашей певчей принцессы.

Постепенно всеобщее оживление стихло. Гости начали расходиться. Первыми покинули дом Ассен и Маилла, им далеко добираться в Севайю. Вскоре Саонсы увели Илассиа, с которой Ульвен весьма церемонно раскланялся, несмотря на взаимную нежность в прощальном «Спокойной ночи, мой друг». Потом удалились оба барона (Карла я всё-таки поцеловала, а его отец прижал меня к сердцу: «Магистр-баронесса!»). Мама с папой пошли в свои комнаты, а братик Виктор давно уже спал.

Мы остались у бассейна втроем. Я, Ульвен и Иссоа.

– Брааат, я тоже устааала, – сказала, словно пропела, она. – Поолдня украшаала пироожные. Моожно, я вас остаавлю?..

Я ждала естественной реплики: «Нам с Юлией тоже пора, день выдался хлопотным». Но внезапно его ответ оказался другим: «Да, иди, дорогая. Мы немного еще посидим. Ты не выдашь нас?» – «Комуу, Ульвеен?» – «Моей невесте и ее жениху». —«Да нуу тебя!»...

Она понимала, что он шутил. А на самом деле нам предстоял какой-то не шуточный разговор. Иначе бы он не стал столь явно нарушать принятые в его доме приличия, оставаясь со мною вдвоем, без свидетелей.

Ночь была тепла и тиха. Мы устроились рядом, он на скамье у бассейна, я в плетеном кресле. Мне ужасно хотелось сбросить туфли и окунуть гудевшие ноги в прохладную воду, но при нем я, конечно, никогда бы такого не сделала.

– Юлия, и как же нам быть? – спросил он.

– О чем вы, учитель?

– О вашем будущем, разумеется. У вас есть какие-то планы?

– Выйти замуж за Карла, – призналась я.

– Это ясно как аксиома, – отмахнулся он. – И вообще не в моей компетенции.

– Разве? Есть один нерешенный вопрос.

– Какой?

– Я бы очень хотела... чтобы вы удостоили нас... церемонии у очага.

– Моя Юлия, это совсем не формальность.

– Я знаю. После всего пережитого на Сироне и на борту

того челнока – я всё ещё не имею на это права?

– Дело не в ваших правах. А в наших обычаях. И в обетах, которые вы принесете. Они свяжут вас навсегда.

– Мы и так уже связаны. Вы не верите?

– Верю. Но мы слишком разные. Я подумаю. Обещать не берусь. Слишком много ответственности. И на мне, и на вас обоих. Если я в конце концов откажу, не сердитесь.

– Я на вас никогда не сержусь.

– Но порой огрызаетесь.

– Извините, профессор, больше не повторится.

– Затвердите себе эту фразу и научите ей своих будущих учеников.

– О, когда еще они у меня появятся!

– Скоро. Если вы захотите.

– О чем вы?

– Предлагаю вам стать моей ассистенткой в колледже. Как профессор, я имею возможность пригласить оплачиваемого ассистента. У меня много курсов, большая нагрузка, до сих пор я не роптал, но вы сами заметили – я становлюсь раздражительным и нетерпимым. Если вы возьмете на себя проверку текущих работ, отдельные темы на семинарах, промежуточные зачеты – вы мне очень поможете. И сами научитесь многому.

– А как на это посмотрят в колледже?

– Не всё ли равно?

– Снова скажут, что вы продвигаете свою фаворитку?

– Продвигаю, да. Пусть завидуют. Каждому бы по такой фаворитке.

– Лори Кан не устроит нам новый скандал?

– На здоровье. Пускай устраивает.

– Отчего она взъелась на вас?..

Он помедлил и всё же решился:

– Хорошо. Расскажу. Лучше, чтобы вы это узнали от меня самого. Хотя мне говорить об этом крайне стыдно и неприятно.

– Что бы вы ни сказали, учитель, мое уважение к вам никогда не уменьшится. Обещаю.

Не знаю, поверил он мне или нет. Зарекаться, пожалуй, не следовало. Но наши души и судьбы настолько тесно переплелись, что вряд ли какой-то факт из далекого прошлого мог разрушить нынешнее единение.

– Юлия, я не всегда был вашим учителем, – начал он свою исповедь. – Профессором я стал при вас, магистром – по окончании Колледжа. А до этого я был таким же студентом, как вы. Не настолько юным, но тоже наивным. Вам знакомы порядки этого дома; пока здесь жила моя бабушка, они выглядели еще старомоднее. Мне, как благородному юноше, не полагалось водиться с кем попало, а я и не слишком стремился общаться со сверстниками из так называемых «хороших семей». Дружил я, назло старшим родственникам, по большей части с одноклассниками-тагманцами; наши забавы были сугубо мальчишескими – покататься на лодке по озе-

ру, побродить по отрогам Эттая, погонять на электрокаре. О реальной жизни я знал очень мало.

Больше всего мне нравилось изучать языки. Родители распустили, что профессия космолингвиста мне подойдет: она не связана с риском для жизни, зато считается уважаемой и солидной. Еще в школе одноклассники-тагманцы прозвали меня «Джеджидд», и я взял себе такой псевдоним, чтобы не позорить свое настоящее имя, если вдруг с учебой у меня не заладится. Но я быстро стал лучшим на курсе. Считался гордостью колледжа. Мне уже поручали вести некоторые семинары. Я стал популярен, и вокруг меня начали увиваться девушки. Среди них была Лори Кан. Самая младшая, неполных пятнадцати лет. Поздний ребенок, единственный, избалованный, привыкший быть в центре внимания. Однако очень талантливая. Яркая, броская, дерзкая. Если ваша дерзость, моя дорогая, выражается в простоватых манерах и идет от ребячества и веселости нрава, то с Лори всё обстояло иначе. Она была совершенно уверена, что должна всегда получать желаемое, и упрямо шла к своей цели, прошибая любые препятствия. Вероятно, в какой-то момент она вдруг захотела меня – я не знаю, зачем, вы понимаете сами, это ни с какой стороны невозможно, ни по сути вещей, ни по нашим законам, ни в силу моего особого положения. Я по неосторожности пригласил ее в наш дом, и она узнала, кто я. Мне казалось, что мы с ней друзья, и никакой беды не случится. Но она сперва разгласила мое имя другим студен-

там, и оно разлетелось по Колледжу. Потом, когда у меня за спиной поползли шепотки – «поглядите-ка, принц!» – она пожелала победы над принцем. Любою ценой. Страшно даже такое сказать, но... она толкнула меня на весьма неприглядный поступок. Уговорила сопровождать ее на «соммэ». Она была несовершеннолетней, а я уже считался взрослым. Чтобы ее пропустили со мной, она подделала разрешение от родителей. Я не подозревал такого отчаянного обмана и сам удивился тому, что они подписали бумагу. Не хочу снимать с себя мою долю вины, возлагая ее целиком на пятнадцатилетнюю девочку. Следовало бы пораньше включить мозги и одуматься. Но я подумал тогда, что у вас, людей, вероятно, такие обычаи. И, в конце концов, мною двигал простой интерес – возможно, даже исследовательский. Увидеть своими глазами всё, о чем до того только слышал в сбивчивых пересказах со многими недомолвками. С тех пор у меня появилось другое желание: забыть о том, что там происходило. В том числе между Лори и мной. Забыть, разумеется, не удалось. Но урок я извлек. Больше я никогда не посещал эти дикие увеселения. И вам запрещал, как вы помните. К счастью, вы никогда не пытались обойти мой запрет. Для некоторых существ эти оргии совершенно естественны, осуждать их не стоит, – с их точки зрения, инстинктам нужно дать выход, но ни мне, ни вам там не место. А Лори не пропускала ни одного «соммэ». Я больше не общался с ней наедине. Никогда. И, конечно, не звал в этот дом. Но прервать все связи и сделать

вид, будто мы незнакомы, не мог. Мы ведь вскоре стали коллегами. К счастью, нас пригласили на разные факультеты, и у каждого складывалась своя жизнь, как в Колледже, так и за его стенами.

Я не рвался делать карьеру, не спешил с защитой докторской, к тому же погиб мой отец, и я взялся воспитывать и опекать Иссоа – ей было семь лет, а матушка не могла уделять ей много внимания, потому что надолго замкнулась в себе после этой утраты. Потом умерла и бабушка, и пришлось заниматься делами наследства и управлением семейными предприятиями. Лори же очень успешно продвигалась в профессии. Все таланты остались при ней. Очень быстро написала докторскую, защитив ее на Гингоссе. Летала на какие-то фестивали динамических инсталляций. Это вроде абстрактных скульптур и конструкций, которые движутся сами под воздействием ветра. Красивое зрелище. Став профессором, она отказалась от некоторых прежних привычек. Теперь никуда не летает – якобы, из-за родителей, которые нуждаются в ее помощи. Со студентами держится, вы заметили, на расстоянии. Из коллег ни с кем не сближается. Но ведь все старшие преподаватели помнят, чем она тут занималась во время студенчества. Я был отнюдь не единственным объектом ее воцелений. Либо ее темперамент постоянно требовал смены поклонников, либо она пыталась показать мне, будто у нее и без меня чрезвычайно нескучная жизнь. В итоге сейчас рядом с ней – никого. Ни супруга, ни

верных друзей, ни детей. Мне кажется, что наша великолепная Лори несчастна.

– То есть сегодня она сорвалась из-за этого?..

– Вероятно, она увидела себя, прежнюю, в вас.

– Но я совсем не такая!

– Тем больней для нее. Вы смогли без особых усилий получить всё то, к чему она тщетно стремилась. Мою преданность и уважение. Приглашение постоянно бывать – а теперь и жить – в моем доме. И при этом вы остались собой и ничем в себе не пожертвовали. Да я и не требовал жертв. Кроме тех, что вы добровольно приносили нашей профессии.

– Я не знаю, как высказать вам мою благодарность...

– Юлия, я не мог поступить по-другому. Хотя изначально мне совсем не хотелось принимать на себя такую ответственность. Вы правы, я не жаждал встречаться с вами на Арпадане, поскольку господин барон слишком вас расхваливал, и мне почудилось – вот еще одна Лори Кан. Такая же гениальная девочка, возомнившая, будто ей всё позволено. Но едва я вспомнил, что у меня есть сестра и племянница, ваши сверстницы, и что, если я откажусь, то опеку над вами несомненно поручат профессору Кан, ведь она – человек, и одного с вами пола – я немедленно заявил в деканате, что уже договорился обо всем с вашими уважаемыми родителями, и согласен стать вашим опекуном.

– Даже больше, чем опекуном.

– Лучше не говорите об этом ни с кем. Слишком многие

превратно понимают наши с вами особые отношения. Как личные, так и научные.

– Стало быть, Лори Кан по-прежнему питает к вам сильные чувства? Она пыталась всем доказать, будто я – всего лишь прозрачная оболочка для ваших идей, и не более? И я совершенно не стою вас?.. А она в свое время – стоила?..

– Моя Юлия, мне не всегда понятны человеческие побуждения. Особенно женские. Вам видней. Но видеть вас на вершине успеха и славы ей, я думаю, было больно.

– Славы?..

– Имя «Цветанова-Флорес» уже разнеслось по крайней мере по этой части Вселенной. Независимо от того, защитили бы вы магистерскую, или нет. Все знают о храброй девушке, которая сначала ринулась спасти своих близких из плена, а затем, уносясь неизвестно куда в бездну космоса, до последних мгновений сочиняла вместе с профессором план магистерской. Этого уже не вычеркнешь и не отменишь. Мы с вами попали в историю. Вам завидуют. И возможно, не только Лори.

– Ну, так пусть полетают на том челноке, отключив управление! Это сразу прочистит любые мозги.

– «Юльхен, язва»...

– Простите, учитель.

– Так что будем делать? Вы пойдете ко мне в ассистенты?

– Пойду! Назло всем!

– Хорошо. Завтра мы отправимся в колледж и оформим

все документы.

У очага

Наша с Карлом свадьба игралась первой, свадьба Ульвена с Илассиа – чуть позже. Им обоим хотелось, чтобы присутствовал ее отец, профессор Саонс, но вызвать его с Виссеваны оказалось не очень просто. Лаон Саонс был небогат, совершить межзвездное путешествие за свой счет вряд ли смог бы, а воспользоваться щедростью принца категорически отказался.

Однако Ульвен, как я давно поняла, умел благодетельствовать без публичной огласки. Он обладал теперь столь серьезным влиянием как в академическом мире, так и во властных кругах, что его мнение часто оказывалось решающим. Сам собою возник вариант, оказавшийся подходящим для всех: профессор Саонс отправлялся в командировку на Тиатару, которая будет оплачена Межгалактическим советом по научным контактам. Требовалось лишь получить официальное приглашение из Колледжа космолингвистики и согласовать программы курсов и даты. Наконец, приглашение было отослано, и утопический план приобрел реальные очертания.

Для нас с Карлом никаких препятствий не существовало. Я закончила колледж и стала ассистенткой профессора, получая достойное жалованье. Карл смог вернуться к про-

фессии пилота, хотя пока никуда не летал – после миссии на Сиرونу ему полагался длительный отпуск. Мое здоровье полностью восстановилось, даже волосы, выпавшие при интенсивном лечении, отросли и стали еще гуще, чем прежде, разве что несколько потемнели, приобретя странный цвет – смесь каштанового с золотистым.

За то время, когда мы жили в доме семьи Киофар, мы успели почувствовать себя дружным и неразделимым целым: два барона, мои родители, брат Виктор и я. Поэтому мы решили и дальше не разлучаться и совместно сняли просторный старинный дом в Витанове, построенный некогда по земным образцам, но с тех пор пару раз подвергавшийся переделкам в зависимости от вкусов хозяев – сначала большой тагманской семьи, а затем уйлоанской. Снаружи архитектура казалась шедевром абсурда, однако внутри придаться было не к чему: два этажа, много комнат, три ванных. Никто никого не стеснит. Витанова слегка на отшибе, однако отсюда довольно удобно летать и в колледж, и в космопорт. Правда, наш дом – почти напротив дома профессора Лори Кан, но меня это уже не заботило. Общаться нам совершенно не обязательно.

Оставалось лишь выбрать день, заказать красивое платье и продумать весь распорядок свадьбы.

Я опять подступилась к учителю с сокровенным вопросом о церемонии у очага. Он назвал меня «любопытной маленькой девочкой», я обиделась чуть ли не до слез, он строго ве-

лел прекратить мою фирменную истерику – на него она не подействует... В общем, как обычно, сначала малость поцапались, а потом душевно поговорили.

Уйлоанцы испокон веков считали эти обряды священными. Разглашать их нельзя, как древние эллинские мистерии. Никогда и ни при каких условиях ни участниками, ни очевидцами не могли быть существа из другого мира. Впрочем, на Уйлоа с ними не контактировали. Однако на Тиатаре даже упоминать о церемонии у очага в присутствии инопланетян не полагалось, и я, несмотря на дружбу с семьей Киофар, вплоть до свадьбы Маиллы не знала, что такой ритуал практикуется, а не просто упоминается в исторических книгах.

На Уйлоа церемонию у очага проводил иерофант, прошедший полное посвящение. Это не был профессиональный священник или жрец, его полномочия ограничивались лишь особыми действиями. Император считался верховным иерофантом Уйлоа, и все взрослые члены его семьи обладали всеми знаниями и полномочиями иерофантов. На Тиатаре эти обязанности возлагались на принца Ульвена. Он должен был проводить церемонии при наречении имени детям из знатных семей, при поминовении умерших и еще в некоторых важных случаях. Но брачную церемонию он совершал крайне редко, поскольку здесь она не была обязательной даже для уйлоанцев: считалось, что после такого обряда развод невозможен – он навлечет несчастье на всех, кто вздумает разорвать нерушимые узы, или на самого иерофанта, если он

благословит союз недостойных. Когда выходила замуж старшая сестра Ульвена, госпожа Ильоа, вершителем церемонии у очага был их отец, принц Ульвен Киофар Савэй («Спасатель»). Поминальную церемонию по отцу проводил Ульвен, а потом он, совсем юный, освящал браки родственников, дяди по матери, кузины и не помню, кого еще. Некоторых желающих пройти через церемонию у очага Ульвен отговаривал, иногда успешно: не все понимали, насколько необратимы последствия. Ассен и Маилла попросили о церемонии, и он им не отказал, потому что был в них уверен. Их любовь казалась легкой и радостной, но не поверхностной. Этот брак безусловно заключался навсегда.

Я объясняю все эти детали, чтобы стало понятно, в какое нелегкое положение я поставила его своими настойчивыми упрощениями. Мы с Карлом и все наши родственники не могли бы сделаться уйлоанцами даже формально. Свободно говорила по-уйлоански только я. Карл освоил лишь устную речь в самых необходимых пределах, слушая наши беседы и общаясь с Иссоа. Ни его отец, ни мои родители языка не знали и вряд ли могли его выучить за короткое время. Язык необычайно красивый, богатый, гибкий, но весьма непростой ни фонетически, ни грамматически. Лексика же самой церемонии весьма архаическая и далекая от бытовой. А без понимания происходящего участвовать в обряде было бы профанацией. С другой стороны, раскрыв смысл церемонии чужакам, принц Ульвен совершил бы кощунство, чем мог

бы навлечь на себя и свой род проклятие. На Уйлоа власть Императора-иерофанта связывалась с жизнетворной силой звезды Ассоан (которая в конце концов и погубила планету). Солнце Айни, сияющее над Тиатарой, подобной сакральностью не наделялось, но здесь в обряде присутствовало обращение к Космосу – это даже серьёзнее, чем обычное солнцепоклонничество. С Космосом, как мы все знаем, шутки плохи. Его законы нельзя обойти, отменить, искусно перетолковать, снабдить спасительными оговорками. Возмездие неотвратимо. И это отнюдь не предмет религиозного верования. Веришь ты или нет во всемирный закон тяготения, ты подвластен ему, даже если в данный момент бултыхаешься в невесомости.

У принца не было права допустить нас к обряду. Оно было лишь у императора.

Ради нас он решился на крайность. Временно – на полдня – принять высший титул. И совершить церемонию в качестве верховного иерофанта. Об этом знали очень немногие: Иссоа, Илассиа, Маилла с Ассеном. Сестре Ильоа он пока не сообщал, потому что она пока оставалась в неведении о том, кем считают его на Лиенне. Коль скоро церемония не разглашалась, посторонним незачем было знать о происходящем в доме семьи Киофар. Все привыкли к тому, что у принца нередко бывают гости, в том числе инопланетяне.

К церемонии у очага надлежало серьезно готовиться.

Сначала Ульвен работал со мной. И это мало чем отлича-

лось от наших прежних занятий в колледже. Мы шаг за шагом обстоятельно проходили весь довольно длинный обряд. Он требовал, чтобы я понимала значение каждого жеста и каждого слова. Затем очень жестко экзаменовал.

Потом – почти то же самое с Карлом. Может быть, чуть попроще и чуть помягче. Но Карл был прирожденным аристократом, получившим надлежащее воспитание, некоторый толк в церемониале он знал, а как космоплаватель понимал важность точного соблюдения всех требований регламента, и от него можно было не ждать никаких выкрутасов. Впрочем, он был предупрежден, что язык церемонии – исключительно уйлоанский, и нельзя произносить даже самых невинных реплик ни на каких других языках. Это будет воспринято как осквернение таинства. Наши с ним имена будут звучать как «Юллиаа» и «Каарол». А сами мы предстанем как «благороднорожденная, славночистая и высокомудная дева» и «высокоблагороднорожденный и достославный звездный странник» (я, естественно, перевожу уйлоанские выражения). Если это кому-то не нравится или кажется слишком забавным, лучше сразу же отказаться.

Затем настала очередь моих родителей и барона Максимилиана Александра. С ними Ульвен разговаривал не так строго, как с нами. Впрочем, от них требовалось не столько участвовать в церемонии, сколько почтительно наблюдать и не вмешиваться. Понимать происходящее было, конечно, желательно, и он им кое-что объяснил, заставив вы-

учить ключевые ритуальные фразы. Отцу Карла и моему папе не нужно было напоминать о необходимости сохранять торжественную тишину во время обряда, лишь в самом конце все свидетели произносили поручительство за новобрачных и совместную клятву о неразглашении таинства. Эти краткие тексты надлежало знать наизусть, и Ульвен проверил, как каждый из наших родственников с этим справился. Больше всего он боялся за мою маму, столь же эмоциональную, как и я. Она могла в самый неподходящий момент прошептать что-нибудь по-испански или даже заплакать. Но проработав почти десять лет в межпланетной таможне, мама научилась в нужный момент справляться с эмоциями, и обещала не позволять себе ничего такого, что могло бы повредить счастью дочери и благополучию дома и рода его высочества принца Ульвена.

Наконец, этот день настал.

И тут я умолкну. Описывать церемонию запрещено. Могу лишь сказать: это и вправду было необычайно торжественно и при этом проникновенно. Я со священным трепетом взирала на моего учителя в облике Императора-иерофанта. Теперь я понимала, в какое изумление приходила Илассиа, видя и слыша, как непринужденно я позволяла себе с ним общаться, отпуская остроты на грани приличия. С точки зрения истинной уйлоанки, это выглядело вопиющей фамильярностью.

Ничего непредвиденного на самой церемонии не произо-

шло. Никаких зловещих предзнаменований, никаких случайных обмолвок, никаких посторонних реплик. Наши родители благоговейно молчали, стараясь даже не шевелиться, мы с Карлом не улыбались друг другу и не переглядывались, отвечая иерофанту заученными словами совершая лишь то, что предписывалось обрядом. Илассиа и Иссоа помогали Ульвену, и все их движения были строго выверены. После клятвы о соблюдении тайны Ульвен объявил, что слагает временно принятый сан Императора-иерофанта, и ушел к себе наверх – снять церемониальное облачение и вернуться к привычному облику. Иссоа с Илассиа занялись убиранием священных предметов (не могу рассказать, каких), а мы с Карлом и всеми родственниками вышли во двор, дожидаться Ульвена, Илассиа и Иссоа.

Нам казалось, что солнце светило иначе. Сам воздух стал каким-то другим. Кругом раздавались незнакомые звуки. Мы словно видели мир Тиатары заново. И другими глазами смотрели на самих себя. Что-то действительно изменилось и сдвинулось. Совершенно необратимо. Осознать это полностью мы смогли лишь потом.

Решено было справить свадьбу душевно, но очень скромно. Хотя мы теперь не бедствовали, и сам Ульвен был бы рад устроить для нас веселье не хуже, чем было на свадьбе Маиллы, мы попросили не делать этого. Впечатлений от церемонии нам хватило с лихвой.

Из дома семьи Киофар мы с Карлом и нашими родствен-

никами пошли пешком в администрацию Тиастеллы – официально зарегистрировать брак. Маилла нам объяснила, как это делается, документы мы подали загодя, и все формальности оказались улажены без проволочек. Для пушей скромности мы с Карлом сменили одежду на будничную, дабы не привлекать повышенного внимания посторонних. Ульвен, Илассиа и Иссоа нас не сопровождали, иначе сразу бы сбежалась толпа любопытных тагманцев.

Из Тиастеллы мы отправились в Витанову, в наш новый дом, куда позже прибыли на двух флаерах Ульвен, Иссоа, Илассиа и Маилла с Ассеном. Других гостей мы не звали. Дома при Викторе всё это время в качестве няньки оставалась верная Танджи. Впрочем, эта милая девушка ничего не знала о таинстве у очага. Она думала, что у нас просто свадьба.

Всё прошло прекрасно и радостно, хотя без особого шума и помпы. После праздничного угощения с непременно свадебным тортом (на земные изделия он был похож только формой, но не ингредиентами) мы начали веселиться и развлекаться – как обычно, с интеллектуальными вывертами. Иссоа спела для нас чудесный свадебный гимн из «Уйлоаа алуэссиэй инниа» – он считается брачной песней загадочных алуэсс, хотя с кем они там могли сочетаться браком, остается неизвестным: алуэссы могли быть лишь женщинами. Мне всегда казалось неловким расспрашивать моего учителя о смысле этого гимна, а теперь уже было нелепо призна-

ваться в том, что я мало что понимала, заучивая слова наизусть и смакуя аллитерации. Звучало красиво – и ладно.

Карл заметил, что музыка немного напоминает песню трех русалок из «Золота Рейна». Ульвен и Иссоа заинтересовались и захотели сравнить, барон Максимилиан Александр нашел у себя запись оперы, мы немного послушали это самое переливчатое «*Вайя, вага, вагала вайя, валлала, вайя-ла, вайя!*»... Ульвен согласился, что и вправду звучит словно по-уйлоански. Мы начали обсуждать, в какой мере дочери Рейна могут приравняться к алуэссам. Иссоа попробовала это спеть. Получилось неплохо, но нужен был оркестр и три голоса. Мы с Илассиа петь по-оперному не умели. Тогда мы все вместе еще раз послушали эту сцену.

Барон Максимилиан Александр остановил запись на том моменте, где появляется отвратительный карлик Альберих, который затем проклянет любовь и добудет кольцо всевластия. Уж на свадьбе это было точно некстати.

Потом мама выбрала для нас зажигательную, но довольно изящную самбу, и мы немного потанцевали – я с Карлом, Маилла с Ассеном и даже папа с мамой. Ульвен заявил, что он не умеет танцевать, а без него этого не стали делать ни Иссоа, ни Илассиа. Однако Иссоа с удовольствием подпевала мелодии, а Илассиа восхищенно и нежно переглядывалась с обожаемым женихом, которого она впервые увидела в облике Императора-иерофанта и, похоже, влюбилась до полного самозабвения.

Наконец, мы с Карлом простились с родителями и гостями и отправились в космопорт – там в отеле был заказан роскошный номер для новобрачных. Ну, нам самим так хотелось. Когда-то ведь я соблазняла Карла идеей уединиться в отеле, но мы столкнулись тогда с Ульвеном, встречавшим Илассиа, только что прибывшую на Тиатару, и наш полет в космопорт ограничился невинным обедом в ресторане на смотровой площадке.

Мы так долго ждали этого дня, так рвались друг к другу, так страстно друг друга желали... И теперь безумно радовались, что смогли удержаться и не своровать у самих себя это счастье. Которое без церемонии у очага оказалось бы заведомо куцым, неполным, почти заурядным – как у всех, кто создан из плоти и крови. А мы себя ощущали особенными. Я звала его «мой космический ангел», он меня – «моя чокнутая валькирия». Ага, где германцы – там обязательно Вагнер и мифология. А где русские – там непременно космизм и полнейший улёт. Даже в первую ночь новобрачных.

На третий день Карл отправился на работу – в космопорт. Он то дублировал кого-нибудь из пилотов, то сам летал на орбитальную платформу над Тиатарой.

А я вернулась в наш новый дом в Витанову, наскоро привела себя в порядок и умчалась на флаере в Колледж. Там шел очередной семинар, в точном согласии с расписанием. «Магистр Цветанова-Флорес, прошу впредь являться без опозданий», – сразу же последовал выговор от Ульвена.

«Простите, профессор, больше не повторится», – заученной фразой ответила я. Студенты, наверное, испугались, видя, как он меня выдрессировал, и с ужасом думали, что теперь будет с ними, если они не выполнят задание или вздумают прогулять очередное занятие. Они даже не подозревали, насколько я счастлива – ночью быть вместе с Карлом, а днем погружаться в таинства космолингвистики. Наверное, от меня исходило сияние, и Ульвен не решался что-либо сказать мне – он втайне сам любовался витающим в воздухе и видимым лишь уйлоанцам двойным кольцом «сюон-вэй-сюон» – теперь оно явственно соединяло нас с Карлом. Их третий глаз позволял это видеть, а наше обычное зрение – нет.

Свадьба принца Ульвена с Илассиа состоялась вскоре после прилета профессора Лаона Саонса. Саонс даже успел прочесть в нашем колледже лекцию о культуре Уйлоа. Почему-то сам Ульвен таких лекций никогда не читал, хотя его знания вряд ли уступают знаниям будущего тестя. Впрочем, уйлоанский язык, как ни странно, в Колледже космолингвистики углубленно изучают немногие. Самим уйлоанцам это не нужно, они и так его знают, а для выходцев из далеких миров он представляет лишь экзотический интерес: говорят на нем только на Тиатаре и на Лиенне. При этом на Лиенну практически никто не летает, а Тиатаре спокойно можно прожить и без этого. В обычном быту популярней тагманский, в официальном общении, как и везде – космолингва. Я стала одной из немногих инопланетян, кто свободно владел

уйлоанским и постоянно оттачивал свои знания, которые теперь включали еще и архаику.

Церемония у очага для Ульвена с Илассиа кое-чем отличалась от нашей. Присутствовали почти все те же самые, включая нас с Карлом и наших родных, а также три Саонса – отец Илассиа и два ее здешних дальних родственника, доктор Келлен и доктор Эллаф. Госпожа Оллайя с извинениями отказалась, уверяя, что не достойна такой великой чести, однако согласилась прийти позднее на свадебный пир. Зато, разумеется, пригласили госпожу Ильоа с супругом, господином Иллио Сеннаем. Они были страшно поражены, обнаружив среди гостей инопланетян, но Ульвен заверил их, что мы все основательно подготовлены, и, раз такова его воля, ничего изменить невозможно. Так будет, ибо так надо.

На сей раз Ульвен не мог выступать в роли иерофанта: он не должен был проводить церемонию для самого себя. Миссию иерофантессы пришлось возложить на Иссоа. Это тоже было немного вразрез с традициями, ведь она – не глава семьи. Впрочем, принцесса императорской крови имела право быть иерофантом, если прошла обучение и посвящение. Иссоа его успешно прошла. Поскольку церемония совершалась над исконными уйлоанцами, то ранга принцессы оказалось достаточно, более высоких полномочий не требовалось. Однако слова «император Лиенны» всё-таки прозвучали. На церемонии оглашалось полное имя и полный титул Ульвена. Илассиа должна была точно знать, за кого выходит замуж

и кому приносит брачные клятвы, и какие это наложит на нее ограничения и обязанности. Конечно, она все это давно уже знала и заранее со всем согласилась, однако ход ритуала должен был соблюдаться неукоснительно. Мой учитель настаивал лишь на том, чтобы в титулатуре присутствовали важные оговорки юридического характера. «Император Лиенны по праву рождения, принц Ульвен Киофар Уликенсс Джеджидд»... «По праву рождения» означало, что он не притязал на признание этого титула где-либо, кроме узкого круга причастных к тайне. Но мне стало ясно, что он уже допускал возможность подобного поворота событий, хотя продолжал повторять, что не хочет, не может и не собирается даже думать об этом. И всё-таки на нашей церемонии с Карлом он уже успел побыть императором-иерофантом. Пусть на какой-то час или два. И я бы не поручилась, что ему это совсем не понравилось. Скорее, он сознавал власть как страшный соблазн и упорно сражался с этим соблазном. Однако я не ответила бы однозначно, какая его ипостась могла обернуться большей опасностью для него самого и для всех окружающих – «император» или «профессор Джеджидд». Его педагогические методы в колледже считались тиранскими. Он знал это, каялся, собирался что-то в себе изменить, но пока получалось неубедительно. Перед учителем я всегда ходила по струнке. А с принцем могла и повздорить, и пошутить.

Иссоа прекрасно справилась. Ее дивный певческий голос придавал словам церемонии новый смысл, и они звучали как

волшебная музыка. Движения были плавными и величавыми. Из застенчивой ласковой школьницы она стала принцессой – настолько уверенной в собственной внутренней силе, что совсем не нуждалась во внешних ее проявлениях. Наверное, ей пристал бы и титул императрицы.

Но сможет ли она в таком случае выйти замуж? Найдется ли тот, кто сумеет возвыситься до столь исключительного существа, не пытаясь превратить Иссоа в обычную женщину?.. Эллаф Саонс, влюбленный в нее до полнейшей остолбенелости, не решался заговорить о своих чувствах. Скромный доктор-кинезиотерапевт из незнатной семьи – и принцесса императорской крови, сестра – как он с ужасом услышал на церемонии – необъявленного императора... Правда, другая сестра, госпожа Ильоа, в свое время вышла замуж за Иллио Сенная, ничем особо не выдающегося, кроме приятной внешности, аристократического происхождения и богатства. Однако с первого взгляда понятно, кто есть кто в семье Киофар. Госпожа Ильоа мила и житейски довольно умна, однако не блещет никакими талантами. Между нею и братом нет сущностного сродства. Он привязан к Ильоа по-родственному, но Иссоа – его женственная ипостась, его собственное творение, в которое он годами вкладывал свое лучшее «я»... К такой девушке страшно приблизиться, хотя она, в отличие от Ульвена, никогда и ни с кем не бывает резка, а всегда изысканно вежлива.

После церемонии у очага как обычно, состоялась реги-

страция брака в администрации Тиастеллы. И там же устроили свадебный пир – увы, не такой сердечный и свойский, как у нас с Карлом. Принц Ульвен Киофар был слишком видной фигурой, чтобы его официальное бракосочетание оставалось сугубо приватным делом. Пришлось организовать довольно многолюдный прием – нечто вроде фуршета. В актовом зале могло поместиться гораздо больше гостей, чем в доме семьи Киофар. А устраивать молодежные развлечения с танцами под открытым небом, как на свадьбе Ассена с Маиллой, мой учитель счел неуместным – он давно не юноша, это будет смотреться смешно. Зато на праздник в администрации пришли все, кому он был дорог, и кто при этом не принадлежал ни к его родственникам, ни к ближайшим друзьям. Появиться на свадьбе столь знаменитой личности сочли за честь и коллеги-космолингвисты, и представители Планетарного совета Тиатары, и члены правления каких-то организаций, которым он помогал советами и деньгами, и ученые из Севайской обсерватории и Института Тиатары, и врачи из медицинского центра.

Родственникам, конечно, уделялось особенное внимание. На свадьбе Ульвена и Илассиа передо мной впервые предстали знатные кланы, кровно связанные с семьей Киофар. Кое-кого я уже видела на свадьбе Маиллы, однако отнюдь не всех. Часть родни тогда не пожелала лететь в Севайю ради какого-то «служащего обсерватории» (консервативные старики считали брак племянницы принца с астрономом непри-

емлемым мезальянсом), другая часть не смогла там быть из-за личных хворей, жары и трудной дороги. На сей раз явились все. Две старших сестры покойной госпожи Файоллы, их сыновья и дочери солидного возраста (думаю, лет пятидесяти) со своими супругами, детьми и внуками, пожилой отец господина Иллио Сенная – Маиллин дедушка по отцу, еще более старый брат этого дедушки со своей семьей, Ассен с родителями... Маилла поясняла мне, кто кем приходится ее дяде, но я сумела запомнить не все имена.

На меня, конечно, смотрели с нескрываемым любопытством. «Ах, та самая инопланетянка, из-за которой наш принц едва не погиб»... При первом официальном знакомстве нас с Карлом представляли как «барона и баронессу Ризеншнайдер цу Нойбург фон Волькенштайн», а когда глаза собеседника округлялись от страха перед этой непрогнозируемой гирляндой имен, я снисходительно добавляла: «магистр Цветанова-Флорес, если так будет удобнее». Имя «Карл Максимилиан» тоже редко кто мог усвоить с первого раза, и мой муж разрешал называть себя «господин барон Каарол». Ведь рядом был еще и мой свёкр Максимилиан Александр, который для краткости именовался просто «господином бароном».

Наконец-то Ульвен смог познакомиться с супругой доктора Келлена Саонса, госпожой Оллайей. Илассиа постаралась принарядить ее, но она все равно неловко чувствовала себя в столь изысканном обществе. Между тем нетрудно было

заметить, что сын, Эллаф, похож на нее, и что в молодости она, несомненно, была красива. Похоже, Ульвену она понравилась. Во всяком случае, он беседовал с госпожой Оллайей чрезвычайно доброжелательно – благодарил за поистине материнское отношение к Илассиа, спрашивал о каких-то домашних делах, хвалил медицинские таланты обоих Саонсов, радовался, что теперь они войдут в ближний дружеский и родственный круг семьи Киофар. Она понемногу перестала робеть и уже не держалась как деревянная. После разговора с принцем к ней начали подходить знакомиться его родственники, и, похоже, госпожа Оллайя вовсе не оплошала: она больше слушала, нежели говорила, а именно это обычно кажется признаком душевной тонкости и проницательного ума.

И в зале, и во дворе вокруг фонтана расставили столы с угощениями, и в проходах между ними можно было лишь степенно перемещаться, пробуя разные напитки и блюда, знакомясь с другими гостями, ведя милые светские разговоры и разглядывая наряды и украшения. Играла ненавязчивая приятная музыка, уйлоанско-тагманская, то есть одновременно и мелодичная, и ударная. О надлежащем репертуаре, скорее всего, позаботился сам Ульвен, дабы ничто не звучало слишком громко и навязчиво. Иногда выступали певцы, исполнявшие песни на двух языках – в основном, о взаимной и верной любви. Уйлоанские тексты были до приторности возвышенными, тагманские – слегка игривыми, как подоба-

ло на свадьбе. Периодически транслировалась фонограмма с песнями «Лорелеи», и мы, посвященные, посматривали в такие минуты на нашу Иссоа, которая делала вид, будто она не имеет к ним ни малейшего отношения.

Музыка и бокалы с некрепким вином помогали расслабиться тем, кто чувствовал себя непривычно рядом с высшей аристократией. Я давно воспринималась здесь, как своя. Теперь мне и в голову не пришло бы явиться на подобное празднество в белых брючках в обтяжку или в легкомысленной юбочке с ярким тагманским орнаментом. Специально для этого случая я заказала себе длинное голубое платье-тунику, чуть-чуть стилизованное под уйлоанский наряд, но с более глубоким вырезом на груди, где нежно переливалось изысканное опаловое ожерелье – подарок Ульвена к моей свадьбе. Согласно уйлоанским поверьям, такие камни приносят удачу и раскрывают способности, о которых носитель и сам не догадывался.

Ульвен и Илассиа смотрелись вместе как идеальная пара. Наконец-то он стал похож на настоящего принца. На нем была легкая, развевающаяся при движении, серебристо-серая мантия, из-под которой виднелись просторная рубашка и брюки такого же цвета. Илассиа красовалась в изысканном бело-розовом платье, оттенки которого переливались, как отсвет утренней зари на спокойных озерных волнах. Ульвен обошелся без каких-либо драгоценностей, кроме золотого кольца, которым он обручился с Илассиа – оно представляло

собой узорную вязь из повторяющейся фигуры «сюон-вэй-сюон», символа взаимопроникновения душ. Она же, помимо кольца, надела то прелестное, хоть и недорогое, перламутровое ожерелье, в котором когда-то впервые вошла в дом семьи Киофар. Видимо, Илассиа верила, что украшение сродни талисману. А может быть, Ульвен сам попросил ее добавить эту деталь – он знал толк в потаенных символах.

Уйлоанцы вообще не склонны к публичным проявлениям страсти, а эти двое к тому же хорошо себе представляли, какими титулами обладает Ульвен. Поэтому ни фривольных намеков, ни интимных сближений они себе при посторонних не позволяли. Но между ними царила гармония, проявлявшаяся во всем, от цветов их одежд до синхронных взглядов и жестов. Церемония у очага привела к тем же сдвигам в судьбах обоих, что и у нас с моим Карлом. Что бы дальше ни происходило, этот брак – нерушим и нерасторжим. И над их головами незримо светилось и трепетало нечто космическое – мне казалось, что я это тоже видела, несмотря на отсутствие третьего глаза. Иссоа сказала мне по секрету, что это вспыхнуло между ними давно, сразу после нашего возвращения к жизни, когда Ульвен признал Илассиа своей нареченной невестой. Достаточно оказалось слова, чтобы знак избранничества проявился, причем сразу с обеих сторон. На церемонии у очага сияние, по словам Иссоа, настолько усилилось, что она, иерофантесса, едва не отдернула руку, коснувшись «сюон-вэй-сюон» при благословении новобрачных.

Несмотря на холодный спектр свечения, оно было испепеляющим, словно плазма.

Со свадьбы брата Иссоа отправилась к старшей сестре, в Миарру – побыть там несколько дней.

Ульвен и Илассиа рука об руку возвратились в дом семьи Киофар. Родственники и друзья, включая нас с Карлом, проводили их до ворот, пожелали им счастья и оставили наедине. Теперь это был их дом. Их очаг. Хотя через несколько дней Иссоа вернется под родной кров, хозяйкой и первой дамой в семье Киофар отныне будет считаться принцесса Илассиа. Таков теперь ее официальный титул. Ох, а я-то обращалась к ней по-свойски, на «ты»... Как-то это теперь неловко.

Пока Ульвен наслаждался семейным счастьем, я три дня вела его лекции и семинары. Вроде бы получалось неплохо – у меня сохранились конспекты, я почитала свежую литературу, оживила видеоряд, студентам всё нравилось. Моя молодость и весёлость добавляли мне популярности, мне казалось, что преподавать – легко и приятно, и совсем не обязательно кого-нибудь убивать наповал, даже двоечника и невежду.

Но все ждали тирана-профессора. Которого, несмотря ни на что, обожали. Как истинно царственная особа, он внушал и восторг, и страх. Без него и успех не был сладок, и провал не был горек.

Я тоже ждала. И уже предвкушала, что смогу отплатить

ему той же монетой – «Профессор, прошу не опаздывать!» – и посмотреть на его реакцию.

Он, конечно же, не опоздал.

Маленькие сенсации

Пока мы увлеченно вникали в наши новые роли, жизнь отнюдь не стояла на месте. Постоянно что-то случалось.

В колледже почти не осталось моих старых друзей. Все разъехались. Рэо отбыл на свою родную Орифию, где его немедленно возвели в ранг Мудрейшего. Саттун решила сменить профессию и теперь училась водить космолеты. Пилотов-женщин было мало даже у тактаи, но она сдала предварительные экзамены на тренажере, продемонстрировала свободное владение терминологией – и была принята в стажеры (школа пилотов имеется при космодроме). Эйджонг отправилась преподавать на Гингоссу – там есть крохотный колледж, филиал Тиатарского, созданный учениками Ульвена. Фаррануихх, мой бывший тьютор Фонарик, улетел на Виссевану, где его взяли в университет на кафедру его собственной бабушки Менненаирры Фарран. Ийяйя, наша нежная голотурия, давно отбыла на родную планету и стала там, как ни странно, куратором от Межгалактического альянса. Маттэ давно закончил колледж, по-прежнему жил в Миарре, работал программистом на производстве лингвочипов, и я его очень редко видела. Слышала только, что он женился. Маилла ждала ребенка, беременность протекала непросто, и наше общение тоже временно прекратилось – она никуда не лета-

ла, чтобы не рисковать, а мне нечего было делать в Севае, дорога туда не близкая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.